

Диана КАН

Полёт над бездной

Несмотря на то, что с момента смерти моего учителя, каковым считаю Юрия Поликарповича Кузнецова, прошло почти 13 лет, я доселе как-то не могу по-настоящему уразуметь, что его нет среди живущих. И я никогда не увижусь с ним, никогда не прочитаю новых его стихов, а он никогда не прочитает моих...

Жизненная текучка худо-бедно отвлекает от ежеминутного осознания невозвратности случившегося. Вот так бегаешь-бегаешь и вдруг словно наткнёшься на невидимую преграду. И задохнёшься... Но опять отгонишь от себя страшную мысль. И где-то на задворках сознания попытаешься утешиться — чего уж там, разве что-то так кардинально изменилось? Годами, будучи невъездной (не по политическим, по материальным причинам) далее собственной новокуйбышевской околицы, не виделась я с Юрием Поликарповичем, не вижу и сейчас. Что изменилось? Между тем, поменялось всё.

Начать с того, что с уходом Кузнецова кардинально изменилось русское литературное поле. И без того оно агрессивно уничтожается последние десятилетия плотоядной «одноклеточной» масс-культурой. Но пока живут и работают русские писатели-классики, ещё остаётся надежда на возрождение некогда могучего русского духа... Кузнецов, в моём его восприятии, был олицетворением этого духа.

Последний раз, помянется, в мае 1998 года свиделись с ним в стенах редакции журнала «Наш современник», минут пятнадцать поговорили о том о сём... А следующее моё «свидание» с Кузнецовым состоялось на Троекуровском кладбище, когда в январе 2004 года принесла на его могилу белые розы. Положа руку на сердце, если бы не смерть Юрия Поликарповича, когда бы ещё вырвалась я в Первопрестольную?..

Около могилы-то я стояла... Но всё равно — не верила! Укоренившееся во мне последние годы сознание того, что где-то там, далеко, Юрий Поликарпович пишет стихи, думает, грустит, радуется, общается с друзьями и учениками, ухаживает за женщинами, в общем, живёт — такое сознание морально поддерживало меня в минуты грусти и печали. Да и разве ж для того, чтобы чувствовать духовную близость другого человека, надобно надоедать ему своим присутствием?

На эти воспоминания, в жанре которых я, признаться, не сильна, меня подвигла издатель журнала «Нижегородская провинция», писательница Любовь Ковшова из города Сарова. Она прямо спросила в письме, почему бы мне не попытаться вспомнить, каким был «мой» Юрий Кузнецов. Потому что у каждого из нас он — свой. Эти немудрящие заметки ни в коей мере не претендуют на исследование кузнецовского наследия. Это просто зарисовки прилежной ученицы — наверняка пристрастные потому, что ученица учителя почти боготворила. Для меня он был своеобразным поэтическим и жизненным ориентиром. В трудные моменты жизни всегда мысленно спрашиваю себя: если я поступлю так — что сказал бы об этом Юрий Поликарпович? И тогда, в ноябре 2003 года, узнав, что Кузнецов умер, я в какой-то момент поняла: чтобы выжить и творчески не сломаться, надо жить так, словно он и не умирал. Не знаю, насколько мудрым можно назвать такое моё «страусиное» решение, но тогда оно спасло и поддержало меня.

Я горда и счастлива, что могу назвать Юрия Кузнецова своим учителем, хотя он и не признавал в русской поэзии ученичества и школ. Что ж, это его право прижизненного классика, как и моё творческое право ученика считать своим учителем того или иного поэта. Литературой я занималась и до встречи с Юрием Поликарповичем. Писала стихи о неразделённой и вследствие того такой огромной любви. Говорят, стихи были талантливые. Но что-то меня мучило, лишая душевного покоя. И тут — оказавшееся для меня судьбоносным совещание молодых писателей в Москве в январе 1994 года. И я (повезло так повезло!) попала в семинар к «тому самому» Юрию Кузнецову, который «пил из черепа отца», а многие его стихи, за неимением книг, я ещё в юности переписывала в заветную тетрадь. «Нет, я с тобою говорить не стану. / Вернусь домой и верный нож достану. / И в стол всажу... И верному ножу / Я про твою измену расскажу...».

Кузнецов был немногословен, сдержан с нами, семинаристами, держал дистанцию и был слегка отстранён. Неужели это он, такой спокойный на вид, автор обжигающих строк о леди Макбет: «За то, что вам гореть в огне / На том и этом свете, / Поцеловать позвольте мне / Вам эти руки, леди!». Даже не верится! Молодые поэтессы-семинаристки шептались меж собой, что выросли с книжками Кузнецова под подушкой... Признаться, я не любительница литературных сборищ, но этот семинар-совещание — первый, последний и единственный на моём этапе вхождения в литературу я не забуду никогда. Именно там произошло долгожданное осознание мной жизненного призвания. И именно Юрий Кузнецов, сам того не зная, помог мне в обретении того, без чего телесная жизнь, даже вкупе с попытками лирической самореализации, пуста и никчёмна. После встречи с Кузнецовым я поняла, что поэзия — это отнюдь не частное дело (что это «не вздох на скамейке», осознала и раньше), а поэзия — даже не столько литература, сколько один из видов служения России, поле духовной брани за неё.

Тогда, проводя семинарский разбор наших «поэтических полётов», Кузнецов, устало вздохнув, словно обращаясь ни к кому и одновременно ко всем, обронил такую фразу: «Россия в пропасть летит, а о чём пишут молодые поэты?..». По причине молодости и проистекающей отсюда патологической занятости исключительно своим богатым внутренним миром, мы, естественно, писали преимущественно о любви, пережегая свои переживания поэтической экзотикой в виде «брабантских кружев», «тосканских канцон». Думается мне сегодня, что именно эта эгоистическая сверхзабоченность собой и своими чувствами стала причиной тому, что иные из нас, кузнецовских семинаристов (и я в том числе!), по итогам семинара не обнаружили себя в списках принятых в Союз писателей России. Не буду кривить душой, для меня это был удар в самое сердце. Не потому, что не приняли, а по-

тому, что именно Кузнецов! Казалось, что после такого творческого фиаско я уже не оправлюсь. Мой оренбургский земляк-поэт Демури, также бывший участником этого совещания, но в другом творческом семинаре, и, в отличие от меня, принятый там в Союз писателей, отечески-снисходительно посочувствовал: «Ну вот, уж так радовалась, что к Кузнецову попала, а тут такое... Лучше б ты к нам в семинар попала, у нас бы тебя приняли...».

Как ни странно, именно после этого фиаско я железно решила, откинув все сомнения творческого и материального характера, ехать на Высшие литературные курсы. Именно к Кузнецову и только к нему. Многие мои оренбургские земляки, кои были посвящены в перипетии моего неудачного вступления в Союз писателей России, увидели в этом решении безумную попытку «прыгнуть в пасть тигра». И добавляли что-то там ещё о моём непомерном гоноре. Но всё было гораздо проще и одновременно — сложнее. Недолгое пребывание на кузнецовском семинаре вдруг открыло передо мной то, к чему неодолимо потянулась мятущаяся душа. Я стремилась на ВЛК не столько для того, чтобы доказать Кузнецову свою творческую состоятельность (хотя и это стремление по молодости лет наверняка присутствовало), я ощутила, что общение с ним нужно мне, чтобы стать настоящим поэтом, взорвав изнутри ту лирическую камерную скорлупу, в которой я давно уже задыхалась. И никто не мог помочь это сделать, кроме «жестокосердного» Кузнецова, как я его тогда в душе окрестила.

Увидев меня среди своих семинаристов, Юрий Поликарпович, как показалось, меня не узнал (мало ли молодых поэтов в России, и все на ВЛК к нему рвутся!), но позже, уже в процессе учёбы, я поняла, что он меня помнил, потому что как-то по-доброму сказал, мол я «настырная». Тогда было непонятно, огорчаться или радоваться этому кузнецовскому определению. Но «настырность» моя на самом деле была просто непреодолимым желанием общения с Мастером, перед которым я творчески преклонялась ещё с подросткового возраста. Эта «настырность» была не что иное, как страстное желание творческого общения, какого я не имела и не могла иметь в Оренбурге.

Как-то уже после смерти Юрия Поликарповича я наткнулась на афоризм, поразивший меня: «Злой человек может вредить двояко — делая зло и делая... добро». Мне вдруг открылось в тот момент, насколько добрым и человечным по своей природе был Юрий Поликарпович! Ведь он, даже, казалось бы, причинив мне зло (не принял в союз!), в

итоге сделал этим «злом» добро. Прими он меня с первой же попытки, кто знает, поехала ли бы я, умиротворённая «признанием», в Москву на ВЛК? Наверняка так и осталась бы в Оренбурге и в конце концов попросту задохнулась в тамошнем безвоздушном пространстве... Именно поэтической оренбургской камерности я боялась больше всего, словно одержимая клаустрофобией.

А первопричиной, по которой я отважилась «прыгнуть в пасть тигра» была та кузнецовская фраза про летящую в пропасть Россию и равнодушных к этому молодых поэтов. Она вошла в меня гвоздём — и наверняка не в меня одну! Показательно и то, что такие и похожие слова я частенько слышала в Оренбурге от тамошних писателей, но они оставляли меня почему-то равнодушной. Видать, имеет большое значение не только то, что сказано, но кем сказано. Вернувшись в Оренбург, я часто вспоминала эту мельком, без всякого дидактизма, удручённо обронённую Кузнецовым фразу. И по мере того, как размышляла над ней, всё в моей неприкаянной жизни стало вставать на свои места. Служение Родине для меня, дочери кадрового советского офицера, выросшей в военном городе-гарнизоне, не было отвлечённым понятием. Понемногу жизнь стала обретать очертания и вектор. Во внезапно открывшемся долгожданном смысле брэнной моей жизни поэзии отводилась совсем иная роль — не светской салонной барышни, развлекающей эстетствующих «ценителей», но — защитницы и воительницы России. И всё последующее общение с Юрием Поликарповичем только укрепляло меня в этом открытии такой простой, казалось бы, истины. Но ведь на то они и простые вечные истины, что каждый из нас должен выстрадать их самолично

Диана КАН